

Цзинь Луаньдянь посмотрел на Лун Юйлиня, затем оглядел окружающих. Люди делились на классы: Шэнь Хуайчжан наслаждался жизнью в своем особняке, а простые люди, возможно, даже не видели унитазов, вынуждены были пользоваться отхожими местами. Ему казалось невероятным, что он так легко избежал его жестокости, и он решил, что больше никогда не будет иметь дела с проклятым Шэнь Хуайчжаном, ведь рядом был Лун Юйлинь. Что касается Юэ Гуаньшаня, то он был для него недостижим, но это и не важно. Раз уж он не мог открыто покончить с князем-завоевателем Юэ на поле боя, он решил нанять убийцу и обязательно свести счеты с отцом и сыном Юэ.

Лун Юйлинь обнял его, оттеснив окружающих рукой. Их груди соприкасались, и от близости обоим стало жарко и липко. Хотя уже наступило лето, от Лун Юйлиня всегда исходил запах молодого жеребца, жесткий и назойливый. Он стоял, как статуя, словно его тело принадлежало кому-то другому, и Цзинь Луаньдянь испытывал за него неловкость.

Вагон напоминал живой гроб, и пребывание в нем было невыносимым. Цзинь Луаньдянь, слегка одуревший, заснул, а когда открыл глаза, уже пора было выходить. Люди, как прилив, хлынули из вагона, и вокруг стало просторнее и прохладнее. Лун Юйлинь похлопал по разгоряченному лицу Цзинь Луаньдяня и устало улыбнулся:

— Приехали, поспишь дома.

Цзинь Луаньдянь все еще был в полусне, когда Лун Юйлинь снова взвалил его на спину, вышел с вокзала и вызвал рикшу. Они быстро добрались до дома Бай Хунци. В это время небо было еще темным, звезды и луна ярко светили. Чтобы не нарушать покой хозяина, Лун Юйлинь и Цзинь Луаньдянь тихо прошли в ванную и смыли с себя угольную пыль и кислый запах, чтобы Бай Хунци не выгнал их за неопрятный вид.

Однако они все же разбудили Бай Хунци. Он открыл дверь ванной и увидел, как братья весело плещутся в воде. Цзинь Луаньдянь обернулся и радостно воскликнул:

— Третий брат, ты правда здесь!

— Цзиньцзы? — удивился Бай Хунци. — Почему вы так поздно приехали?

Они уже почти закончили мыться и по очереди вылезли из ванны. Лун Юйлинь обернулся полотенцем вокруг пояса:

— Длинная история. Разбудили тебя? Еще рано, иди поспи.

Бай Хунци, увидев, что посторонних нет, успокоился, но его сон был чутким, и, проснувшись ночью, он уже не мог заснуть. Он сел за стол при свете одинокой лампы и начал разбирать оставшиеся с дня бумаги.

Усталость от поездки все еще витала в теле Цзинь Луаньдяня, и, едва коснувшись подушки, он снова погрузился в сон. Лун Юйлинь прикрыл окно и зашел в комнату Бай Хунци. Увидев, что тот продолжает писать, он с заботой сказал:

— Днем будет время, не спеши, иди поспи.

Бай Хунци положил ручку и посмотрел на него:

— Почему ты привез Цзиньцзы посреди ночи?

Лун Юйлинь сел рядом на стул и начал рассказывать историю, которая оказалась длинной. Когда он дошел до самого волнующего момента, его голос задрожал:

— Я ждал его в ресторане, а он не возвращался. В итоге я нашел его в публичном доме. Я так разозлился, что ударил его, а когда зашел внутрь, увидел, что он один с двумя проститутками. Я совсем потерял голову и шлепнул его так, что он упал на пол.

Лун Юйлинь говорил с таким пылом, что Бай Хунци лишь легонько взглянул на него:

— Это не подвиг, не стоит так переживать. Скорее всего, ты сам все придумал и зря на него злился.

Лун Юйлинь, почувствовав себя разоблаченным, честно признался:

— Да, это правда, я сам все надумал. Я так боюсь, что он свяжется с дурной компанией, что даже не подумал и сразу же привез его к тебе. Мне завтра нужно уезжать.

Бай Хунци спросил:

— Почему так срочно? У Гэ Цинъюня больше никого нет? Неужели только ты можешь это сделать?

Лун Юйлинь горько усмехнулся:

— Это позорное дело, никто не хочет этим заниматься. Если я не возьмусь, то никто не будет. Но что поделать, даже умирающий верблюд больше лошади. Десять тысяч человек — это немало, нас не так просто уничтожить.

Бай Хунци не стал ходить вокруг да около:

— Ты хочешь, чтобы Цзиньцзы остался у меня?

Лун Юйлинь, боясь, что он откажется, поспешно добавил:

— Аци, как только я устроюсь в Бэйпине, сразу заберу его. Но пока пусть поживет у тебя, не обращай внимания на его шум.

Бай Хунци ответил:

— Не переживай, иди отдыхать. Завтра тебе рано вставать.

Лун Юйлинь не собирался уходить. Он грубо схватил Бай Хунци за руку, и, хотя хотел выразить свои чувства, Бай Хунци лишь посмотрел на него, и он сразу же сник. Его взгляд стал неуверенным, и он заговорил, запинаясь:

— Аци... Как ты меня видишь?

Бай Хунци удивился:

— Что? Ты не надрался вдоволь и хочешь, чтобы я сказал тебе что-то плохое, а потом ты и меня шлепнешь?

Лун Юйлинь выпрямился, возможно, ожидая, что Бай Хунци проигнорирует его, и поэтому не нервничал. Он улыбнулся:

— Как я могу тебя ударить? Аци, я всегда любил тебя, и хочу, чтобы ты тоже любил меня. Скажи, что мне нужно изменить, и я изменю. Я понял, что, вернувшись в Бэйпин, скажу отцу и дяде, что не женюсь на второй жене, ни на ком. Я хочу быть с тобой. Я не понимаю, почему, даже если я открою тебе свое сердце, ты не хочешь быть со мной.

Ответ Бай Хунци был прямолинеен, но он вырвался из его уст без раздумий:

— Ты не он.

Лун Юйлинь разозлился на Ань Вэйминя, но не хотел портить отношения из-за постороннего:

— Аци, снаружи уже сменилась эпоха, он — человек из прошлого. Забудь его, хорошо?

Бай Хунци слегка нахмурился. Он никогда не думал о том, чтобы забыть Ань Вэйминя, и задавал вопрос как себе, так и Лун Юйлиню:

— У нас с ним было семь лет отношений, как я могу забыть?

Лун Юйлинь, полный нетерпения, сказал:

— Мы не умрем в этом или следующем году, у нас еще много семилетий впереди. Доживем до ста лет, будет целых десять.

Бай Хунци не питал надежд. Эти семь лет истощили его, и его разум, и тело были отмечены печатью «Ань Вэйминь». Это было слишком глубоко, и никто не мог его освободить. Бай Хунци покачал головой:

— Ладно, уходи, я больше не хочу слушать. Я очень устал.

Лун Юйлинь сжал кулаки. Он окончательно понял, что, видя Бай Хунци, его сердце не успокаивалось. Бай Хунци никогда не полюбит его, но он может ждать, пока тот передумает. Они знали друг друга двадцать пять лет, их связь была гораздо глубже, чем у Бай Хунци и Ань Вэйминя.

В то же время Лун Юйлинь сомневался в себе. Он не был уверен, был ли он просто глуп, и его тянуло к Бай Хунци из-за внутреннего дискомфорта, или же он был таким же соперничающим и амбициозным, как всегда, и не мог смириться с тем, что Ань Вэйминь был лучше его. Возможно, это было и то, и другое.

Он понимал, что его проблема не имела решения. Если ему просто было невыносимо, и он хотел прижать Бай Хунци к кровати и удовлетворить свои желания, чтобы понять, действительно ли он испытывает к нему чувства, то, возможно, это было лишь неутоленное желание, а не любовь.

Если же он продолжал чувствовать то же самое, то он не хотел обманывать ни себя, ни Бай Хунци. Он не был человеком, который ставил любовь выше всего, и всю свою любовь он отдал Бай Хунци. Если даже этого было недостаточно, чтобы Бай Хунци полюбил его, то он не мог ничего поделать. Ему оставалось только навязчиво оставаться рядом и провести с ним всю жизнь. Ведь быть вместе — это и есть самое главное.

Если же он просто не мог смириться с тем, что Ань Вэйминь был лучше него, и хотел доказать, что он не хуже, то, возможно, его желание победы было бы удовлетворено, и он перестал бы преследовать Бай Хунци. Но если Бай Хунци полюбил бы его, а он продолжал бы чувствовать то же самое, то это была бы настоящая взаимная любовь.

Ждать, пока Бай Хунци полюбит его, казалось бесконечным, но Лун Юйлинь не мог больше ждать. Эгоизм и желание сплелись в его сердце, как лианы, бесконтрольно разрастаясь и затягивая его сердце в плен. Он потерял рассудок и резко вскочил, повалив Бай Хунци на пол.

<http://bllate.org/book/15577/1386849>